

Люди
ОТ НЕАВИСТИ ДО WI-FI —
ОДИН ЗАБОР

РИНА
Раунт

Деревня Джунгли:
МОДНИЦА
И ИТ-ФЕРМЕР

Рина Райт

**Деревня онлайн:
Модница и IT-фермер**

«Автор»

2026

Рина Райт

Деревня онлайн: Модница и IT-фермер / Рина Райт — «Автор»,
2026

— У тебя вместо мозгов косметичка с косметикой? — ехидничает деревенский айтишник в пыльной футболке.— А у тебя дискета? — не отстаю от соседа.— Ты вообще знаешь, что такое дискета? — Знаю! Но и с косметичкой в голове мне не тесно. Он считает меня городской фифой. А я уверена, этот самоуверенный деревенский айтишник просто создан для того, чтобы испытывать моё терпение. Но пока бабушка поёт частушки, а дед заводит гармони, моё лето из иронии и баттлов неожиданно превращается в настоящее приключение... Старшее поколение запускает спецоперацию «Сведи внуков, получи правнуков» — и кто знает, к чему приведёт деревенское противостояние пирогов, вайфая и молодых сердец? Я понятия не имела, что возможно встретить любовь там, где ждёшь её меньше всего. В деревне, где от ненависти до общего Wi-Fi — всего один забор!

© Рина Райт, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Drama Queen	5
Глава 2. Гуси, мои гуси	9
Глава 3. Вот и познакомилось	11
Глава 4. Сватовство по-деревенски	14
Глава 5. Соблазнение квасом	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Рина Райт

Деревня онлайн: Модница и IT-фермер

Глава 1. Drama Queen

Мила

Иногда мне кажется, что я – героиня самой дешёвой подростковой комедии. Только вместо хэппи-энда – нескончаемый плед с котиками, чемоданы под глазами и подруга Таисия, готовая уже, кажется, выставить меня на торги как арт-объект «Последняя страдальца общезжития».

Привет, я Мила, бакалавр факультета туризма и сервиса, а последние две недели – ещё и ведущий актёр драмкружка имени себя любимой. Я делаю вид, что участвую в марафоне Netflix по любовным мелодрамам (будто мне своей драмы мало), периодически выныриваю из под пледа только ради мороженого, и одновременно наблюдаю, как Тася героически пытается уместить все свои летние шмотки, пару невесомых платьев, чайник дорожный и свой скейт в один чемодан.

До недавнего времени моя жизнь казалась почти рекламой взрослого счастья. Я готовилась к ГОСам и защите диплома, жила в хорошем районе – правда, не в своей съёмной берлоге, а у бойфренда.

С Вадиком мы познакомились на Патриках. Я шла после пар, он вылетел из кафешки с хрустящим пакетом сэндвичей, и мы столкнулись плечами так, что у меня едва не выскользнул ноутбук, а у него – улыбка до ушей. Он тут же пошутил про карму и кофе на удачу, я рассмеялась, мы обменялись контактами, и понеслось.

Ухаживал он красиво: романтика – хоть снимай новые серии любимых дорам. Прогулки под светом фонарей, кофе с облепихой, лирические разговоры, спонтанные поездки за город и долгие посиделки на кухне. Через месяц я уже жила у него – вместо своей прошлой комнаты в общежитии.

Квартиру на третьем этаже не самой плохой сталинки я, разумеется, быстро обжила: купила пушистый плед, навела уют на подоконнике, пересадила все свои цветы, занятая как турменеджер в сезон отпусков, и даже в холодильнике сделала систему хранения сыра по категориям.

Всё было по-взрослому: у каждого свой угол, свои кружки, свои надежды. Ну и, само собой, общие планы...

Мы строили отпуск мечты – целых 21 день свободы, шумные ночные рынки, закаты, на которых красиво мечтается о вечном, и, конечно, блог. Я всерьёз грезилась, как наконец-то прокачаю свой канал: сниму крутые рилсы для Рутуба, от души постримлю в телиге и даже в нельзаграме, маскируясь под топового тревел-инфлюенсера, а не просто студентку с вечным недосыпом и мешками под глазами.

Совместным голосованием выбрали Тайланд – море, манго, пляжи, кокосы величиной с мою самооценку, и тысячи удачных сторис. Первый взрослый отпуск за границей!

Вадик к тому времени уже два года стабильно отрабатывал роль офисного клерка в банке, и выглядел вполне надёжно – галстук, календарик, весь этот корпоративный антураж. Правда, после очередного корпоратива я случайно наткнулась на фотки в его телефоне, где он обнимал рыжую девицу с хитрой улыбкой.

– Это Марго, просто коллега, – лениво отмахнулся Вадик. – Мажорка, зато диплом получила.

Я, естественно, согласно кивнула, решила, что не стоит драматизировать. Всё казалось невинным – ну работники банка, мало ли у них корпоративы и близкие танцы.

Ой, наивная.

Знаете, в каждой комедии есть сцена, после которой даже сценаристы советуют закрыть ноутбук и уйти в монастырь. У меня эта кульминация прилетела пару недель назад. В тот день я летела домой после защиты диплома – с ощущением, что жизнь наконец-то складывается как надо: я умница, красавица, почти свободная женщина в большом городе. Даже решила вознаградить себя капучино с шапочкой корицы и круассаном с нутелой в любимой кафешке, потому что иметь маленькую радость – мой дипломный навык.

И тут, проходя мимо соседнего заведения, я краем глаза замечаю весьма узнаваемый профиль в панорамном окне. Присматриваюсь. Там, уютно устроившись за столиком, сидит мой Вадик, а напротив него – рыжеволосая Марго. Он гладит ей руку с видом юного самурая, только что отыскавшего свой семейный меч. А она смотрит на него так, будто сейчас бросит на него не только котячий взгляд с выставки, но и собственную душу, упакованную в диплом и маникюр.

Пара секунд: мой разум отчаянно саботирует очевидное – может, у них там корпоративный квест? Или это семинар «Как обрести уверенность в себе через тактильный контакт»? Вдруг в банке теперь новые стандарты по шерингу эмоций?

Но всё становится окончательно ясно, когда Вадик не просто держит её за руку, а тянется через стол, чтобы поцеловать Марго.

И вот тут, с предательской ясностью, меня накрывает запоздалое прозрение.

Я, не теряя чувства собственного достоинства, подошла к витрине, кокетливо постучала ноготками по стеклу, ловко разорвав их поцелуй на корню. Когда эта сладкая парочка синхронно повернулась в мою сторону, я с мировой искренностью и лёгким пафосом показала им шикарный международный знак – средний палец, за что, кстати, до сих пор собой горжусь. Международная дипломированная драма – это про меня.

Своим искусством трагедии в тот момент я могла бы обзавидоваться сама себе. Вернувшись в его квартиру – уже чуть чужую, хотя ещё недавно почти родную, я молча сложила в два чемодана свои шмотки, косметички, тот самый блокнот для тревел-идей и пару новых масок для лица, с расчётом уезжать красиво. Из холодильника с отчаянным хладнокровием вынесла его «полезный» суп, внутренне прощаясь с этой унылой ЗОЖ-жизнью, в которой мне вдруг совершенно не хочется оставаться. Финальным аккордом стало театральное уничтожение: распечатанный на А4 билет в Тайланд, которым Вадик так гордился и хвастался всем подряд, я радостно разорвала на клочки с таким артистизмом, что спокойно могла бы пробоваться в Гнесинку, а то и на курс к главному драматургу студенческого кружка.

Скажу честно – слёзы в тот момент текли и от обиды, и от ощущения, что я наконец обрела свою внутреннюю актрису. Главное – сделать всё с душой и настоящим артистизмом.

Вадик потом звонил – классика жанра: «Мил, ты не так всё поняла! Это не то, что ты думаешь!»

Интересно, а что я, по его мнению, должна была думать, если наблюдала их трогательные ручки и поцелуй в прямом эфире, не отрываясь ни на секунду? Спасибо, Вадик, за новый сюжет для комедии и вечный мем для моего внутреннего стендапа.

В тот же вечер я переключалась в старую добрую общагу. Тася, моя спасительница и соратница, открыла дверь с выражением лица, будто ждет не подругу, а участкового с понятым. Её взгляд скользнул по моим чемоданам:

– Ну давай, рассказывай. Тут без сериального поворота не обошлось?

Мы с Тасей дружили уже два года, делили не только комнату, но и пиццу, мороженое, лёгкий хаос на полках и бессчётное количество серий всевозможных драм и комедий (понятное

дело, в основном с драмой). Если бы где-то выдавали диплом по срочной подруге-терапии, у Тася бы он был с красным углом и золотой эмблемой «Самый стойкий слушатель».

А ещё она умела шутить даже тогда, когда я рыдала в голос из-за рекламы туалетной бумаги с милыми котятами или щенками. Ну ведь не одна же я так, правда?

Две недели я почти не выходила из комнаты: Netflix, все романтические драмы, немного слёз, много мороженого и, если быть совсем честной – плюс два кило только на серии «Как бросают даже самых лучших». Тася умудрялась держать марку: шутила, кормила, организовывала вечера сериалов в стиле «освежи слёзы после Вадика», и вообще смотрела на меня с такой терпеливой заботой, что любой психолог позавидовал бы её выдержке.

Ладно, депрессия депрессией, но жизнь продолжает бить ладонью по лбу. Когда я почти оказалась на дне четвёртой пачки печенья и начала подумывать, не посолить ли чай слезами – пришла новость-убийца:

– Ты же помнишь, что через неделю общагу закрывают? – с подпольным сочувствием бурчит Тася. – Наши бараки эту дырку объявили вне закона на всё лето.

Я зависаю. Вот так массовка в вечном сериале про студенчество – когда даже койка под угрозой, а вместе с ней и остатки душевного равновесия.

Я даже всерьёз думала пойти с Тасей в Артек – работать вожатой, воспитывать детей и спастись от самой себя, но и тут мимо: набор окончен, билеты разобраны, места только на линии горизонта.

На мне, кажется, в этот момент можно было изучать значение фразы «непробиваемый пессимизм».

Тася садится рядом, подмигивает:

– Ну а что теперь? Деньги на съём есть?

– Только на пачку роллов, – ворчу я, изображая безнадежную икону всех разбитых сердцем девушек.

После жизни с Вадиком и короткой радости совместного бюджета мой карточный баланс плачет горькими студенческими слезами.

– А к родителям?

– Нет, только не туда... Мама сейчас витает в облаках с новым бойфрендом, осваивает семейный психологический штрудель. Папа – вообще призрак в мессенджере, реакции ноль.

– Мил, а какие у тебя ещё варианты?

Я сижу на полусобранном чемодане, хихикаю сквозь остатки отчаянья... и вдруг понимаю – у меня же ещё есть бабушка! Та самая, что шлёт фото вязаных носков и регулярно спрашивает, не высохла ли я с голоду в московских заторах.

– Бабушка в деревне! – драматично объявляю я, как финалистка шоу.

– Вот! Звони ей, – командует Тася. – В деревне Гуси тебя и пирогами накормят, и вайфай пропишут по выходным, если только петух не клюёт провод.

Я не была там уже пару лет, но разве это повод не наведаться в гости к своей самой заботливой (и самой хлебосольной) бабуле? Я люблю её стряпню – пусть даже это ещё плюс пару кило к моей душевной хандре. Да и что за лето без настоящих пирогов, свежей сметаны и бабушкиных странных историй про соседей?

И тут, кажется, меня пробирает первая честная улыбка за все эти две недели драмы.

– Решено, – бодро киваю я Тасе, – еду в Гуси. Открываю новый горизонт контента: сторис «24 часа без интернета и макияжа». Если выживу, стану гуру тревел-блога «Сельские секреты и пироги».

Тася хлопает меня по плечу и заговорщицки шепчет:

– Вернёшься – подробно расскажешь, как поймать вайфай между грядками и почему твоя бабушка – лучший психотерапевт в истории.

Теперь я пакую чемодан уже не как страдальца Netflix, а как, прости господи, будущая звезда отчаянных репортажей из самой глухой глуши. Придётся обновлять тревел-канал прямо из эпицентра сельской жизни.

План на лето меняется на глазах, но... вдруг именно сейчас моя комедия начнёт раскручиваться к лучшему?

Глава 2. Гуси, мои гуси

Деревня Гуси встречает меня сюрпризами ещё на подступах. После электрички, в которой я научилась различать шипение газировки на расстоянии и уже наизусть знаю чьё-то описание семейных разборок, мне предстоит марш-бросок по гравийной дороге.

Солнце жарит, как особо щедрый повар гриль-бара, обе руки заняты чемоданами – один явно для всех пережитых драм, второй для нарядов, которые в деревне оценят разве что куры. Ноги в белоснежных кедах теряют свою первозданную чистоту на первом же километре этой пыльной дороги, а две французские косы, когда-то вдохновлённые фоткой из Pinterest, начинают мечтать о свободе. Белый корсет и короткие джинсовые шорты, созданные для городских вечеринок, тут явно не по адресу – чувствую себя не иначе как жертвой обрядового изгнания столичных.

Хотя бы природа радует. Поля вокруг – как в рекламе молока: ярко-зелёные, щедрые, по канаве стелются ромашки, воздух пахнет палёной травой, подсолнечным маслом и чем-то томительно сладким вроде свежескошенного сена. Где-то вдали привычно орут куры, лениво мычит корова за изгородью, а лёгкий ветер приносит голоса работающих на огородах женщин. Кажется, если просто стоять и вбирать всё это, можно залатать все дырки в столичной душе.

Дальше начинается настоящая сельская симфония: где-то булькает колодец, слышится щёлканье заброшенных ворот. Через дорогу скачет огромная жаба (или мне уже мерещится от жары?), а за кустами мелькает собачий хвост – приветствие от местной фауны.

Всё бы ничего, если бы не тридцать пять градусов в тени и пятнадцать в моих мыслях о том, что вечерний контент для блога можно будет снимать только лёжа без сознания да ещё и с тонким налётом местной пыли.

Вот только мысли об отдыхе разбиваются о суровую деревенскую реальность раньше, чем я подхожу к нужной улице. На повороте, возле старого ржавого велосипеда и заплесневелого указателя «Гуси 0,3», меня встречает стая гусей. Настоящая, хмурая, как синоптик в плохую погоду и вооружённая намерениями навести порядок на местной территории. Главарь стаи – гигантский белый гусь, умело лузгающий травинку, как сигару. Стоят, глаз не сводят с городской приезджей (то есть с меня). На секунду кажется, что они вот-вот объявят митинг за чистую дорогу и запрет на импорт кед из Москвы.

Я делаю шаг... Гуси смещаются плотнее, злобно вытягивая шеи – возможно, это местная трактовка команды «фас». Чемоданы препятствуют маневрам, я на ходу пытаюсь сообразить маршрут отступления, в голове бессмысленно прокручиваю советы из TikTok: «при опасности главное – сохранять спокойствие», «гуси чувствуют страх».

– Ну класс, только этого не хватало, – шепчу сквозь зубы, пятясь и подозрительно оглядываясь на местных пернатых терминаторов.

И тут сзади внезапно раздаётся знакомое рокотание двигателя. Из-за поворота выезжает ржавый грузовик, и, урча, несётся напрямик по дороге, разгоняя пернатых в стороны как голливудский герой в замедленной съёмке. Гуси с обиженным гогомом разлетаются по обочинам, и я наконец могу сделать шаг вперёд, хоть и дрожащей ногой.

Грузовик, даже не сбавив хода, безжалостно швыряет на меня ведро пыли и уезжает, оставляя после себя почти апокалиптический след. Я абсолютно честно желаю водителю три пробитых колеса, пень под кузовом и чтобы навигатор завёл его на болото к самой яростной гусиной банде в округе.

– Люблю вас, местные интеллигенты, – бурчу сквозь зубы и мечтаю попасть хотя бы под душ, а в идеале – сразу в бассейн... Ну, на худой конец, в самую большую лужу деревни, чтобы смыть этот первый (и очень пыльный) слой гостеприимства.

И тут этот грузовик вдруг останавливается и начинает сдавать задом прямо ко мне. Я почти верю: вот оно, народное гостеприимство! Но, конечно же, не совсем.

Открывается окно, и оттуда появляется голова. Голова – очень даже ничего, если честно: светло-русые волосы, кривоватая улыбка, хищный, чуть ленивый взгляд, явно из тех, кто уже привык побеждать в местных баттлах за последнюю булку в магазине. Он откровенно меня сканирует с головы до пят, задерживается в районе корсета – то ли с восхищением, то ли прицениваясь к цене наряда.

– Потерялась, девочка? – с наглой ухмылкой спрашивает он. – Папика в нашей деревне ты не найдёшь даже в таком прикиде.

– Нет и нет! Я отлично знаю дорогу, – парирую я с ледяным взглядом, достойным вручения себе Оскара за лучшую актрису второго плана.

– На местную не похожа, – усмехается он, намекая, что мой стиль примерно как у элитного шампуня в отделе хозяйственных товаров. – Подбросить?

Я вздымаю подбородок, пытаюсь выглядеть выше своих кед:

– С незнакомцами в одной машине мне бабушка не велела ездить. Особенно с такими, кому сначала бы глаза вернуть на место, а уже потом – ручку к двери.

Он только шире улыбается, откровенно развлекаясь нашей перепалкой:

– Да ладно тебе, я не кусаюсь. Обычно.

– Тем более, – шиплю я, ловко маскируя облегчение под усталую агрессию. – Если мне и захочется приключений, то уж точно не с водителем-пылесосом в главной роли.

– Ну, как знаешь, столичная! – с нажимом бросает он и, уже было собравшись прощаться, добавляет:

– А за гусей вообще-то спасибо могла бы сказать – они тут бывают менее дружелюбные, чем я.

Поворачивает ключ зажигания, бросает на прощание взгляд, в котором гораздо больше азарта, чем обиды, и уже через секунду исчезает в облаке пыли, снова оставляя меня стоять на дороге и медитировать над чемоданами среди кур и васильков. Машина скрывается за поворотом, но не уезжает в даль – а сворачивает аккуратно на ту самую улицу, где живёт бабушка.

Ну супер. Очевидно, Вселенная любит меня и ещё раз решила проверить на прочность. Парень – сосед? Или, не дай бог, какой-нибудь родственник? Упаси, Господи.

Глава 3. Вот и познакомилось

Наконец-то я, укутанная дорожной пылью и слегка подплавившаяся под июньским солнцем, сворачиваю на улицу бабушки. Здесь воздух будто роднее. Вокруг звенят деревенские голоса, солнечные пятна скачут по дороге, по дворам гуляет детство.

Улица встречает меня неожиданной сценой. Возле аккуратного забора, выкрашенного в выцветшую лазурь, стоит тот самый грузовик, а рядом... этот нахал из кабины! И не просто стоит, а обнимает мою бабулю за плечи, словно близкий ей человек. В одной руке у него – огромный тазик с домашними пирожками, будто специально для парада пирожковой мощи.

Даже на расстоянии метров десяти я различаю запах бабушкиной стряпни лучше всяких духов из Дьюти-фри. Мои самые любимые – горячие, с яйцом и зелёным луком, словно символ детского лета и настоящего счастья: свежие, с золотистой корочкой, ароматные до невозможности. Стоит вдохнуть – и словно попадаешь в прежние каникулы, когда весь мир пахнет счастьем, а ты ещё веришь в чудеса.

Бабуля поднимает голову, замечает меня и мои чемоданы, и расплывается в такой широкой улыбке, что у меня будто проваливается всё: усталость, пыльные кеды, даже первые впечатления о деревне вдруг становятся неважными. Она привычно вытирает руки о свой цветастый фартук, и тут же кидается ко мне.

– Милочка, приехала! Вот радость-то какая, наконец-то! – бабушка раскрывает объятия, и я на секунду снова становлюсь той шумной, взъерошенной девчонкой, что пряталась за её спиной от всей несправедливости мира. Сжимает меня так крепко, что в полную грудь вдыхается вся её забота и любовь, накопленная за последние два года разлуки.

В этот момент тот самый нахал – теперь под пристальным контролем моего взгляда – вскидывает бровь, и по лицу у него явно пробегает самая честная мысль дня: «Внучка значит... Интересно.»

В глазах будто появляется новый огонёк: уже не просто хамоватый водитель, а кто-то, кому теперь придётся считаться с местной бабушкиной любимицей...

И пока я тону в самых добрых и крепких объятиях на свете, не могу не рассматривать этого нахала из-под ресниц. Парень – чисто городская мечта в самых деревенских декорациях: широкие плечи, сильные загорелые руки (угадывается абонемент на свежий воздух и лопату), футболка сидит слишком хорошо для обычного сельского парня, а взгляд... Такой лукавый и уверенный, что у любой героини ромкома мгновенно бы сработала внутренняя тревога. Вид у него вызывающе расслабленный, движения ленивые, но в них чувствуется какая-то опасная привычка нравиться без лишних усилий.

Но придётся его разочаровать: этот парниша – точно не мой типаж.

– Как добралась, Милочка? Голодная? – спрашивает бабуля, когда наконец выпускает меня из своих крепких объятий, возвращая обратно на твёрдую деревенскую землю.

– Почти без происшествий, – отвечаю я, стараясь утаить нервный смешок и запах дорожной пыли за улыбкой.

И тут слышу, как хмыкает этот самый нахал из грузовика – видимо, оценил мою короткую версию своих приключений.

– Ой, Мила, познакомься – Антон, соседский внук, – бодро представляет меня бабуля, оказывается, своему поделщику по пирожкам. – Антоша у нас мастер на все руки: в любое время и крышу починит, и интернет заведёт, и механику трактору наладит, и программу какую напишет. Айтишник теперь в наших краях редкость – а он, считай, наше местное сокровище!

Антон улыбнулся – светло-серые глаза чуть сузились, уголки губ озорно дрогнули, и я ловлю на себе взгляд:

– Рад знакомству, – говорит он, голос спокойно-ленивый, но с каким-то подтекстом, будто между нами уже есть тайная шутка. – Помощь нужна – всегда рядом, – добавляет и переглядывается с бабулей, будто они обеим что-то нашептывают за моей спиной.

– А вот это, Антон, моя внученька. Умница, диплом защитила, по туризму! Красавица, сама взгляни – таких и в городе поискать, а у нас в глуши – вообще редкость! И, главное, здорова, слава Богу, значит, детки здоровые будут, – бабушка выдыхает всё это одним залпом, так, что мне хочется провалиться сквозь доски крыльца. Ощущаю себя выставленным лотом на сельском рынке невест.

– Бабуль, ну не продавай меня, как гуся на базаре... – шепчу я в отчаянной надежде, что сейчас она переключится хотя бы на картошку.

Но тут уж мои просьбы бессильны, когда бабушка на взлёте:

– Вот бы тебе такого, Мила, жениха – работающий, умный, ладный. Эх, спелись бы вы... – мечтательно вытирает руки о фартук, как будто сейчас реально явится толпа кавалеров, и ей придётся их отгонять.

Антон уже просто открыто смеётся, не стесняясь ни меня, ни ситуации, а я ощущаю, что щеки мои горят так, будто могу устроить местный закат одним смущением.

– Бабуль, пожалуйста... – смотрю на неё со всей возможной мольбой, но она только хохочет, хлопает меня по плечу и решительно тащит дальше во двор.

– Антоша, занеси Милкины чемоданы в дом, а то она у меня современная, да хрупкая! – командует бабушка, кивая в сторону моего скромного «домашнего багажа».

У меня в голове мелькает протест: вообще-то я эти чемоданы через всю Москву волокла сама, но спорить с бабулей – себе дороже. Антон по-мужски флегматично подхватывает оба чемодана и первым направляется к дому, будто это не камни, а подушки.

Пока сосед идёт на несколько шагов впереди, бабушка тепло берёт меня под руку и ведёт к крыльцу, не забывая заполнять эфир своими театральными импровизациями.

И вдруг – в полный голос, с лукавой улыбочкой, она заводит очередную частушку:

Моя внучка городская,

Модница, красавица,

Но неделька у бабули

Станет деревенская!

Я прикусываю губу, прикрываю глаза ладонью и шиплю, стараясь не разразиться улыбкой:

– Баб! Ну пожалуйста, только не этот репертуар... Меня тут и так ждёт культурный шок, а теперь ещё и музыкальный!

– А чего ж, пусть вся деревня слышит, какая у меня внучка! – радостно заявляет бабушка и отпускает меня только тогда, когда мы, наконец, входим на знакомое тенистое крыльцо, где на секунду кажется, что всё смущение и столичная усталость сразу растворяются в домашнем уюте.

В этот момент Антон уже оставляет мои чемоданы прямо в прихожей, бросает взгляд на бабушку – мол, все выполнено, отпускать можно.

– Ну ладно, я пошёл. Если ещё что надо, баб Нюр, обращайтесь, – говорит он, уже явно готовый скрыться за ближайшей дверью.

Бабушка одобрительно кивает, хлопает Антона по плечу, и тут же, не сбавляя оборотов, командует:

– Антошка, зови деда Ефима на обед. Внучка у меня приехала – отмечать будем!

– Баб Нюр, ну мне бы ещё... – пытается вставить он оправдание, но не тут-то было.

Баба Нюра уже уверенно, во весь голос, заводит частушку:

Наш Антошка занятой,

Девок не замечает...

Антон тут же вскидывает руки вверх в театральном жесте капитуляции:

– Всё-всё, сдаюсь, я за дедом! – смеётся, пятясь к выходу под сопровождение бабушкиного смеха и моего неловкого покраснения.

Боже, куда я приехала?!

Глава 4. Сватовство по-деревенски

Первые минуты дома у бабушки – как удар по рецепторам воспоминаний: пахнет пирогами, яблоками, огурцом с грядки, свежим хлебом и ещё чем-то неуловимо детским. Я прохожу в прихожую, будто возвращаюсь не из Москвы, а из какой-то очень взрослой жизни – в место, где ты всё равно навсегда останешься ребёнком.

– Милка, обувь у меня снимай! – командует баба Нюра, не давая мне и секунды на раскачку, прежде чем я, по старой городской привычке, делаю шаг в дом в кедах, как привыкла в общежитии.

– Прости! – быстро разуваюсь, подхватываю кеды за шнурки и замираю в прохладном деревенском коридоре, где на стенах висят кружевные прихватки, бабушкина коллекция расписных ложек и выцветшая семейная фотография. У двери – пучок засушенной лаванды, пахнувший летом детства.

– Переодеваться будешь? – неожиданно уточняет бабушка, хитро кивая на мой слишком городской для здешних мест топ.

– Да, бабуль, конечно, – мямлю я, уже пряча кеды в угол и таща за собой ближайший чемодан в свою комнату.

Да-да, у меня тут есть своя комнатуха – с кружевными занавесками на окне, старой полочкой для книг и любимым креслом, про которое я думала весь последний год. Раньше каждое лето я зависала здесь неделями: гоняла по огороду, делала подсказки для бабушки по телефону и пряталась от медового июля в тени сирени. И, между прочим, внука соседа, этого самого Антона, что-то совсем не припомню...

Скидываю уже не свежий корсет и шорты, и выуживаю из чемодана лёгкое ситцевое нежно-голубое платье – идеальный оттенок под мои глаза. Это сарафан с запахом, неброским цветочным рисунком и аккуратным вырезом – не слишком большим, но всё-таки заметным. Ну и правильно, я ведь не в монастырь приехала, а грудь у меня, если уж честно, аккуратненькая двоячка – лишнего внимания ей явно не грозит.

Быстро забегаю в ванную комнату... ну, как в ванную: теряюсь между стопками полотенец, банками с малиновым и клубничным вареньем, пузырьками старого одеколлона и мыла – у бабушки даже мыло пахнет мятой и немного земляничкой. В зеркале – отражение явно уставшей, слегка взъерошенной городской гостьи. Умываюсь, привожу себя в порядок, поправляю косы, но упрямый румянец на щеках никуда не девается, а глаза по-прежнему горят подозрительно лихорадочно.

Всё дело в деревенском воздухе, убеждаю себя. Это точно кислородное перенасыщение! А вовсе не в высокомерном соседе с лукавым взглядом и удивительно привлекательным телом – да-да, совершенно точно не в нём.

Иду на кухню – если честно, не столько к бабушке, сколько на зов аромата. Бабушка уже устроила настоящий пир: скатерть, как на семейный праздник, на столе глиняная миска с квашеной капустой, горка горячих пирожков и небольшой кувшин с компотом, в котором плавают кусочки яблок и даже веточка смородины – для вдохновения и красоты, я уверена.

Я ещё даже не успеваю толком присесть, как во двор уже появляется дед Ефим. Высокий, подтянутый, с той самой свободной походкой, которую дают годы на свежем воздухе. На нём просторная рубашка, в которой он явно не одну деревенскую гармонистскую вечеринку отплясывал. Входит дед неторопливо, но настолько по-хозяйски и с внутренней энергией, как будто только что не просто собрал урожай, а ещё и выиграл, как минимум, пару партий в шахматы дедовской лиге чемпионов.

– О, вот и моя красавица-внучка пожаловала! – басит дед, затягивая меня в свои крепкие, по-деревенски тёплые объятия. – Давно ждал, Милка! Кто ж теперь в городе жить-то умеет? Всё тут, самый важный народ теперь в сборе.

Следом в дверях появляется Антон – чуть в стороне, уже не такой самодовольный, как утром, но по-прежнему с озорным огоньком во взгляде. Он без слов опускается на стул у окна, а дед Ефим с деловитостью генерального по кухне раскладывает приборы, берёт миску с пирогами и нарочито строго спрашивает:

– Так, а это кто же нам таких пирогов напёк?

– Это мы с бабулей на пару! – заявляю я с показной гордостью. – Она – начинку месила, а я всю свою тоску по столичной жизни в тесто замесила.

Все весело смеются – даже Антон невольно улыбается, и на секунду кажется, что этот день в Гусях может быть даже лучше, чем раскрученный отпуск на пляже с коктейлями. Но рано радовалась...

Мы все усаживаемся за круглый стол, уставленный пёстрой скатертью, которая явно помнит не одну семейную радость. Лишь бабушка продолжает суетиться: то всем по кусочку от каждого пирога положит, то ложку картошки не забудет, а для Антона и вовсе отдельный маршрут. Пышка, пирожок... Я внутренне улыбаюсь: своя атмосфера у бабушки – как в элитном ресторане с любимыми клиентами.

Я же получаю почётную миссию разливать всем по глубоким тарелкам два щедрых черпака свежей окрошки с квасом. Аромат зелени, лёгкая прохлада русской классики – в этот момент мне кажется, что я в самом сердце уюта и не хочу никуда уезжать.

Когда у всех полные тарелки, Антон, делая вид, что просто поддерживает разговор ни о чём, спрашивает:

– И на сколько ты к бабе Нюре приехала? По твоим чемоданам не похоже, что на недельку.

Я мелькаю глазами и с непроницаемым лицом отвечаю:

– Скорее всего, на всё лето. Ну, если бабуля не захочет выгнать меня обратно в город раньше срока, – пожимаю плечами для пущей загадочности.

Отхлёбываю первую ложку окрошки – и чуть не стону в голос от её холодной свежести, как будто мои вкусовые рецепторы выиграли кулинарную лотерею. Лёд, лето, огурец, зелёный лук и тот самый деревенский квас – таких ощущений не даст ни один городской ресторан. Где-то внутри у меня мелькает мысль: вот оно, то самое настоящее лето, о котором я и не мечтала.

Антон, скривив свою фирменную усмешку, тут же цепляет меня за живое:

– Просто баба Нюра сказала, что ты диплом получила... Значит, уже на работу должна была устроиться, а ты тут как стрекоза – всё лето на бабушкином довольствии да платьишки выгуливать собралась?

Я понимаю, что это вызов, а дед Ефим не выдерживает – глухо откашливается и окидывает Антона взглядом таким тяжёлым, что, кажется, если бы это был другой дом, трава бы сразу перестала расти.

– Антош, ну давай уж без язв, – ворчит дед. – Пусть хоть кто-то этим летом душой отдохнёт.

Но я совсем не горю желанием дать себя задеть. Быстро выпрямляю спину, прищуриваюсь и ловлю на себе знакомую волну городского сарказма, оттачиваемую годами в общежитии:

– Да, диплом у меня есть, – говорю я спокойно, хоть голос чуть провибрировал, – и на работу я ещё успею устроиться, когда действительно сама захочу, а не по чьему-то расписанию! А если мне захотелось провести последнее лето с любимой бабулей – где тут трагедия? В столице меня ни офис, ни ипотека не подгоняют, никому кредит не должна, кроме зарядки для телефона и маминого «отдохни уже». – Я улыбаюсь Антону своей самой колкой улыбкой. – И вообще, что плохого в красивых платьях? Если они смущают только тебя – значит, вопрос явно не ко мне!

Антон хмыкает, при этом его нагловатый прищур никуда не исчезает:

– Просто к нам давно такие... экспонаты не приезжали.

– Зато тебе будет что порассматривать летом, – парирую я, встречая его взгляд, как на боях без правил.

– Было бы на что смотреть... – не унимается гад и говорит это так, будто специально для меня усиливает акцент на слове было.

– Поверь, есть на что. Да у меня вообще куча поклонников, – не отступаю я.

Антон иронично вскидывает правую бровь:

– У нас тут мужики простые. Смотри, чтобы потом обратно уехала с целой репутацией.

– Похоже, только у тебя тут репутация в опасности, если на каждое новое платье так реагируешь, – бросаю я в ответ, уже не скрывая ехидства.

– Ой, началось... – бурчит он себе под нос, уставившись в тарелку.

– Да уж, началось! – подхватываю я, – такими темпами этими пирожками можно и поперхнуться, пока тебя слушаешь!

И тут громко цыкает баба Нюра, и за столом моментально воцаряется тишина.

– Цыц, хватит! Холодные пироги есть – плохая примета, – бросает она нарочито строго, но с лукавой искоркой во взгляде.

В воздухе зависает тёплая, смешная неловкость – и только шкворчание пирогов спасает паузу, а мне кажется, что таких баталий за столом у бабули этим летом будет ещё немало.

Мы оба мгновенно затыкаемся, с одинаково красными щеками утыкаемся в свои пирожки, отчаянно делая вид, что страшно увлечены трапезой. Даже воздух будто гуще стал – то ли от лета, то ли от молчаливой войны.

В этот миг Баба Нюра и дед Ефим многозначительно переглядываются поверх хлеба и капусты – такие же хитрые, как влюблённые заговорщики в старой свадьбе. Да ну их, – думаю я, жуя пирог, – вот же сводники престарелые.

Глава 5. Соблазнение квасом

Утро в деревне живёт по своим законам: петухи кричат ровно по расписанию, солнце лупит через занавеску без малейшего намёка на пощаду, а бабушка уже с рассвета носится по двору – будто у неё состязание за титул самой неуловимой и находчивой хозяйки месяца. На кухне шипит самовар, из окна тянет запахом свежее испечённого хлеба, во дворе уже перекликаются соседские бабушки.

Я, под впечатлением вчерашних частушек, пирогов и новой деревенской обстановки, решаю сегодня не быть просто туристкой – а наконец заслужить тут хоть немного уважения. Сегодня я настроена не отлынивать, не фоткать прохладу из тени, а честно кидаться в бой с сорняками, хозяйством и всеми летними трудностями. Хватит уже мечтать только о красивых сорис – пора заслужить своё место под этим ярким, безжалостным июньским солнцем.

Успею ещё наснимать контента сельского – впереди ведь целое лето!

– Сегодня, бабуль, огород твой – это мой фронт, – бодро объявляю, натягивая перчатки и свой самый старый сарафан (здесь никто не оценит бренд за три тысячи, а вот пятна и пыль простят на раз-два).

– То-то гляжу! Настоящая помощница сама просится! – радуется бабуля, одобрительно кивает и тащит меня на грядки.

Вот теперь я уже вооружена тяпкой, стою по пояс в траве и иду в решительный бой с сорняками, будто защищаю честь всей городской моды – хотя на самом деле просто хочу, чтобы бабушка была мной довольна.

Погодка, конечно, тонко намекает: работать сейчас надо не в огороде, а на пляже. Солнце июньское – словно врубили на полную мощность, во дворах трещат кузнечики, а грядки раскаляются, как решётка на пикнике. Я поливаю зелёные ростки, напеваю себе под нос все, что приходит в голову, пока в один момент не слышу странный глухой шум с другой стороны забора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.